

Как мы судили: из воспоминаний присяжного заседателя 19 века

Директор музея юстиции Ольга Мещерякова предлагает читателям нашего журнала материал – выдержки из публикаций Гр. Джаншиев. Суд над судом присяжных (по поводу статей г. Дейтриха и Гражданина). М., 1896.

В половине января 1891 г. я получил от председателя комиссии по составлению списка присяжных заседателей извещение о внесении меня в список очередных присяжных на октябрь месяц. Октябрь месяц был для меня неудобен, и я попросил председателя окружного суда перевести меня на другую сессию. Просьба моя была удовлетворена без затруднения. Признаться, я не без нетерпения и даже некоторого внутреннего волнения ждал результата жребия. Вот уже лет шестнадцать, как я наблюдаю и соприкасаюсь с судом присяжных. В качестве адвоката, газетного репортера, публициста я прослушал и изучал массу дел, решенных присяжными, причем уважение мое к этому институту росло и укреплялось по мере ознакомления с деятельностью этого мирового института. Только теперь впервые мне представлялась возможность проникнуть, так сказать, за кулисы этого великого учреждения или, вернее, в святую святых совещательной комнаты, где свершается тайнодействие отправления суда общественной совести.

К счастью, жребий оказался для меня благоприятным; я вызван был в суд. Состав присяжных был чуть не исключительно интеллигентно-чиновничий: к нему принадлежало человек 20; человек 10 было из купцов, мещан и крестьян, 1 был де-

йствительный статский советник, 2 отставных полковника, 2 педагога, 2 юриста, 2 инженера, 2 провизора. С точки зрения образовательного ценза состав был из лучших. Даже крестьяне оказались с очень порядочным образованием и со всеми наружными признаками «цивилизации» (черная пара, чистое белье, носовой платок и пр.). Один из них в особенности производил хорошее впечатление. Детство этого крестьянина прошло среди мрачных картин доброго старого времени крепостной зависимости, не оставивших, однако, никаких дурных следов на его душе. Судьба его забросила в Москву, где он научился ремеслу. Под влиянием любящей образованной жены уже по двадцатому году он стал учиться грамоте и занялся самообразованием. Благодаря природным способностям и трудолюбию оно пошло так успешно, что наш крестьянин-самоучка почти осуществлял искомый народниками идеал «синтетического мужика»: сохранив первоначальную простоту нравов и физическое здоровье, он вместе с тем получил вкус к высшим духовным наслаждениям, научно-литературным и эстетическим. И при всем этом наш «интеллигентный мужичок» отличался необыкновенно скромностью, не всегда встречающейся у давловых самоучек, и удивительною гуманностью. Затем остался у меня в памяти образ одного злущего

желчного, геморроидального купчина, буквально беспощадного ко всем подсудимым, и еще одного молодого техника - олицетворение кротости и мягкости; одного военного с фигурую Бетрищева, довольно ограниченного и крайне нетвердого в своих мнениях. В общем же у меня сохранилось самое отрадное воспоминание о моих случайных товарища: огромное большинство их с живейшим интересом следило за ходом дел и действительно стремилось приложить «всю силу своего разумения для тщательного рассмотрения дел», как гласит присяга, и для справедливого решения их.

Хотя присяжные и вызывались к 10 часам, но не ранее 12 пригласили нас в зал судебного заседания. Не явились двое известных московских богачей. Оба они оказались выбывшими за границу. Суд оштрафовал обоих на сто рублей, принял на вид, что они оба, получив предварительное извещение, не озабочились о переносе их в другой период заседаний. Началось слушание первого дела о грабеже. Стороны правом отвода не воспользовались. Первым из урны вышло мое имя, и, быть может, отчасти благодаря этому случайному обстоятельству предложили мне принять звание старшины. Указывали, впрочем, и на то, что я, в качестве юриста, легче справлюсь с обязанностями этого звания. Но я наотрез

отказался принять это звание, ссылаясь на то, что принятие мною обязанностей старшины может дать повод к несправедливым и незаслуженным нареканиям на вердикт присяжных. Старшина был выбран старый чиновник, с Владимиром на шее, как оказалось впоследствии, отставной педагог...

Второе дело, на которое я попал в качестве запасного заседателя, принадлежало к той категории, которая наичаще дает повод к жалким воплям по поводу присвоения присяжными права помилования, оправдания заведомых преступников, словом, к известным декламациям на тему: *fiat justitia, pereat mundus*.

Дело было самое простое. На скамье подсудимых сидел юноша лет 17, сирота, обер-офицерский сын. Судился он за растрату 6 р. 80 коп., совершенную пять лет тому назад. Деньги эти были доверены ему хозяином в конверте для передачи. Он вскрыл пакет. Деньги - частью пропил, частью потерял. После совершения преступления он уехал из Москвы на заработки. Лет пять служил в экономии где-то в Бессарабии и оттуда-то был вытребован в Москву, чтобы дать ответ за свой старый грех. Молодой адвокат, помощник присяжного поверенного, в коротенькой, но теплой речи выяснил присяжным, какому риску подвергают они юношу, уже ставшего, по-видимому, на хорошую дорогу, если его, по формальным соображениям, сочтут нужным наказать за давно прошедший проступок и этим способом привести в соприкосновение с расплывающейся тюрьмой средою. Наука уголовного права и закон, сказал защитник, даже простое нераскрытие виновников в течение известного времени считает основанием для погашения уголовного взыскания; тем более в глазах суда со-

вести может служить основанием для оправдания продолжительная безупречная трудовая жизнь. Вопреки ожиданию совещание присяжных длилось довольно долго. Как впоследствии мне передавали, большинство, нужное для оправдания, давно уже с избытком было образовано, но только один отставной военный никак не мог взять в толк, что можно оправдать, несмотря на наличие сознания подсудимого.

- Я тоже был судьёю, - горячился седовласый воин, - и раз сознался: шабаш - виноват!

Не знаю, уломали ли упрямого формалиста или оправдали подсудимого 11 голосами, только военный присяжный наравне с другими принял участие в денежном сборе в пользу подсудимого.

Нужно было видеть, каким изумлением и радостным умилением озарилось лицо бедного и бледного юноши. Из глаз закапали хорошие слезы. Кто знает? Этого гуманное отношение присяжных, это неожиданно оказанное вспомоществование, быть может, действительно спасло человека, находившегося на волос от окончательного падения?

Третьим делом была мелкая кража, совершенная 40-летнею бабою, уже осужденною за три кражи. Она была без места и стащила ватное одеяло, но была поймана, когда перелезала через забор. Месяцев 6 она содержалась под стражею. На суде она чистосердечно созналась и все-таки выслушала довольно жесткий и не совсем понятный оклик председателя:

- Что же нам с вами делать?

За оправдание было всего только два голоса: молодой техник находил, что за ватное одеяло, да вдобавок возвращенное хозяину, довольно и предварительного 6-месячного ареста. Остальные голоса, ввиду ре-

цидива, стояли за обвинение со снисхождением. Приговор суда об отдаче в арестантские роты на 1 Уг года все единогласно нашли не в меру строгим.

Отпуская присяжных домой, перед слушанием последнего дела, председатель принес присяжным благодарность за внимательное и добросовестное отношение их к своим обязанностям и за всестороннее изучение дел. По окончании последнего дела старшина присяжных, со своей стороны, обратился к председателю со следующим заявлением: «Исполненные глубокой признательности к памяти творца великого института суда присяжных и счастливые возможностью, на чреде своей, принять посильное участие в отправлении суда общественной совести, присяжные выражают суду, в лице вашем, признательность за предупредительную готовность, с которой вы способствовали им во всестороннем уяснении обстоятельств дела, и, покидая здание суда, не без чувства нравственного удовлетворения, они уносят отрадное сознание, что в нем, действительно, замечается стремление водворить у нас суд правый и милостивый, согласно завету незабвенного творца нового суда».

Ошибочно было бы думать, что приведенные заявления не более как обмен банальных официальных любезностей. Все сколько-нибудь близко наблюдавшие суд присяжных единогласно свидетельствуют, что суд присяжных относится к делам с чрезвычайно добросовестностью и с неостывающим вниманием. В этом живом отношении к делу, в этом избытке свежести и впечатлительности и отсутствии предвзятых мнений и рутинных обобщений - заключается едва ли не самое главное преимущество и неизмеримое превосходство его над судом до реформенным.

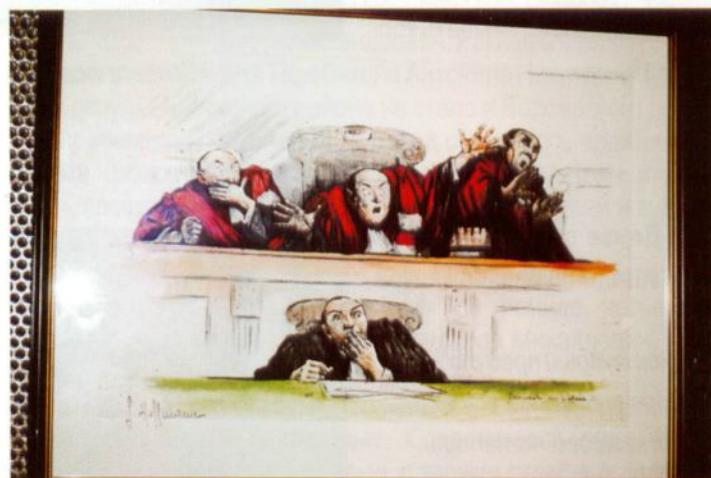
ЭТО ИНТЕРЕСНО

В музее юстиции Пермского края (5 корпус Пермского государственного университета) на выставке частных коллекций, прошедшей в мае, были представлены копии картин – гравюры немецкого писателя и композитора Эрнста Теодора Амадея Гофмана и французского художника Оноре Домье.

Необычная и редкая экспозиция привлекла внимание посетителей – работников судебной системы Прикамья тем, что писатель, музыкант, композитор, дирижер и капельмейстер **Эрнест Гофман** неплохо рисовал, в том числе и на судебные темы. Для этого были свои основания. В июле 1795 года он успешно сдал экзамен по юриспруденции и стал судебным следователем при Кёнигсбергском окружном управлении. Помимо всего прочего, отец Гофмана служил адвокатом при прусском верховном суде, а дядя – советником верховного суда в Глогау (Силезия). Умер Гофман в Берлине. Надпись на памятнике очень проста: «Э.Т.В. Гофман род. в Кёнигсберге в Пруссии 24 января 1776 года. Умер в Берлине 25 июня 1822 года. Советник апелляционного суда отличился как юрист как поэт как композитор как художник. От его друзей». Да, по образованию он был юрист, однако надежды на будущее связывал с музыкой, с удовольствием рисовал, но в историю мировой культуры вошел как великий писатель.

«Уличный скандал»

«Согласие»

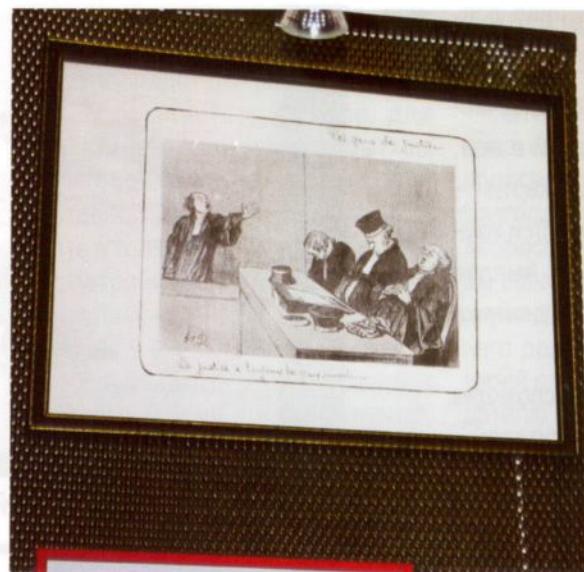

«У подсудимого нимб от великолепия адвоката»

Судебная власть
Судьи и юристы
Судебные приставы

Французский художник **Оноре Домье** печатал свои гравюры в парижских журналах, в частности «Карикатур» и «Шаривари», подписываясь инициалами «Н.Д.»

Оноре Викториен Домье родился 26 февраля 1808 года в Марселе, в семье стекольщика, который обладал литературными способностями. Домье приобрел известность как автор сатирической графики, своим работам, в том числе посвященным будням французского суда, он любил придумывать колкие комментарии.

«Зевает юстиция всегда с «открытыми глазами»

Оноре Домье считался «одним из самых загадочных художников 19 века».

*Художник мудрый пред тобой,
Сатир пронзительных создатель,
Он учит каждого, читатель,
Смеяться над самим собой.*

(Ш.Бодлер, 1865г.)

Его серия «Люди юстиции» (1845 г.) обличает и высмеивает продажность и взяточничество буржуазного суда, фальшивость адвокатов и напыщенность судей.

Посетитель пришел к судье:
«Он пропустил Ваше важное дело»
(дело на 100 су, 1 су меньше франка)